

DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-3-145-157

НУЖНА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛЕЗНО ЛИ НЫНЕШНЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

(О книге В.М. Ефимова «Экономическая наука под вопросом»)

Г.И. ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: khaning@yandex.ru

Рассматривается книга В.М. Ефимова «Экономическая наука под вопросом: новые методология, история и исследовательские практики». Отталкиваясь от неспособности подавляющего числа экономистов предсказать мировой экономический кризис 2008–2009 гг., автор обосновывает утверждение о кризисе современной экономической науки. Он связывает этот кризис с тем, что экономическая теория все больше отрывается от действительности и вместо объективного ее анализа и объяснения становится на службу правящего класса. В ангажированности он обвиняет уже классическую политэкономия. Среди трех направлений экономической теории (классика и неоклассика, марксизм и институционализм) Ефимов не ангажированным считает только институционализм. Но даже это направление в настоящее время деградирует, будучи практически полностью выхолощено в связи с доминированием неонституционализма. Кризис экономической теории отражается и на высшем экономическом образовании, которое тоже деградирует. Автор показывает, что кризис экономической науки и высшего образования имеет тяжелые последствия для всего общества. Автор предлагает пути оздоровления экономической науки и высшего образования.

Анализ Ефимова относится преимущественно к западным странам. В России корни кризиса экономической науки уходят в советское время, когда экономическая наука была поставлена на службу КПСС. Этот кризис усугубился в постсоветский период, когда российская наука восприняла худшие стороны западной экономической науки и образовательного процесса в сфере высшего образования. В данной статье показано, что современная экономическая наука России растеряла многие достижения советской экономической науки, это крайне негативно сказалось на ее способности анализировать и прогнозировать развитие российской экономики, выработать обоснованную экономическую политику.

Ключевые слова: экономическая наука; экономическое высшее образование; кризис экономической науки на Западе и в России; кризис экономического высшего образования; классическая и неоклассическая экономическая теория; марксизм; институционализм; неонституционализм

WHETHER WE NEED THE CURRENT ECONOMICS AND ECONOMIC EDUCATION? (On the book by V.M. Yefimov «Economic science in question»)

Grigoriy KHANIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), Siberian Institute of Management,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: khaning@yandex.ru

The focus of my analysis is on the book by V. Yefimov "Economic Science in Question: Another Methodology, History and Research Practices". Starting from the inability of the overwhelming majority of economist to predict the 2008–2009 world economic crisis, the author justifies a statement on the crisis of the modern economic science. In his opinion, the reason is that economic theory is increasingly breaking away from the reality and instead of its objective analysis and explanation tends to serve the ruling class. Even classical political economy was already biased. Yefimov believes that only institutionalism among the three directions of economic theory (classicism and neoclassicism, Marxism and institutionalism) is not politically motivated. Yet, even this direction is currently experiencing degradation, due to the harmful influence of modern neoinstitutionalism. The crisis of economic theory also affects higher economic education, which is also degrading. The author shows that the crisis of economic science and higher economic education has severe consequences for the entire society. The author proposes the avenues to invigorate economic science and higher education.

Yefimov builds up his study mainly on the Western countries. In Russia the crisis of economic science is rooted in the Soviet period when economic science was put to serve the Communist party. The issues aggravated in the post-Soviet period, adopting the worst features of western economic science and higher education. This paper demonstrates that the modern economic science in Russia has lost a lot of achievement of Soviet economic science which has a very adverse impact upon its ability to analyze and forecast development of Russian economy, and elaborate sound economic policy.

Keywords: *economic science; higher economic education; crisis of Western and Russian economic science; crisis of higher economic education; classical and neoclassical economics; Marxism; institutionalism; neoinstitutionalism*

JEL classifications: *A11, B10, B20, B31, B41, Z13*

1. Введение

Одним из самых интересных явлений в российской экономической литературе за постсоветский период я считаю вышедшую в 2016 г. книгу В.М. Ефимова «Экономическая наука под вопросом» (Ефимов, 2016). В ней рассматриваются причины кризисного состояния экономической науки и образования в мире и в России. Автор смело обрушивается на незыблемые для многих каноны экономической науки и практики и предлагает свои оригинальные рецепты их лечения.

Прежде чем их излагать, сообщу краткие сведения об авторе. Он в конце 1960-х окончил одно из лучших экономических учебных заведений России – экономический факультет МГУ по новой тогда в СССР специальности экономист-кибернетик. В течение многих лет преподавал на этом факультете и занимался исследовательской работой по наиболее близкой к реальной жизни (довольно редко для экономистов-математиков) дисциплине деловых игр. В процессе исследований по этой дисциплине вникал в реальную картину советской экономики, очень далекую от излагаемых в советских учебниках по политической экономии. В 1990-е работал в проектах Европейской комиссии, преподавал во французских вузах и благодаря этому много узнал о состоянии экономической науки и экономического образования на Западе. Этот опыт и размышления о нем позволили ему сформировать достаточно критическое отношение к обоим этим феноменам, которые для российских ученых и вузовских преподавателей в постсоветский период стали образцами. В настоящее время живет во Франции, но тесно общается с российскими учеными и вузами.

Оговорюсь, что не считаю себя методологом экономической науки и напишу о том, что в книге В.М. Ефимова было для меня наиболее интересным как аутсайдеру в этой области. Мне кажется (возможно, я ошибаюсь), что эти ее стороны будут интересны большинству экономистов.

Уже во введении «Кто, как и почему смог предвидеть наступление кризиса» автор показывает причины своего критического отношения к современной экономической науке. Он совершенно справедливо, на мой взгляд, начинает с неспособности подавляющего числа западных экономистов предвидеть кризис 2008 г. Для экономиста предвидение изменения экономической конъюнктуры – такой же тест профессиональной пригодности, как для врача установление правильного диагноза. Разумеется, если речь не идет о неожиданных и потому не подлежащих предвидению явлений, как война, стихийное бедствие или, скажем, изменение цен на углеводороды в связи с войной, как это произошло в 1973 г. после арабо-израильского конфликта. При том, что индикаторы наступающего кризиса были достаточно очевидны. Негодование общественности западных стран как реакция на этот провал было настолько велико, что даже английская королева, избегающая высказываться на общественные темы, не выдержала и публично спросила: где были экономисты? Аналогичное произошло в России во время кризисов 2008–2009 гг. и 2012–2016 гг. Голоса российских экономистов, предостерегающие о наступлении кризисов, были единичны, и их игнорировали. Не слезающие с экранов телевизоров и со страниц журналов и газет именитые экономисты либо успокаивали, либо рисовали светлые перспективы.

Чтобы не создалось впечатление, что плохи только нынешние экономисты, напомним, как проморгали наступление кризиса 1929 г. подавляющее большинство американских экономистов, опять-таки, при очевидных признаках его наступления.

Большинство профессиональных экономистов, как в западных странах, так и в России, избегают анализа этого очевидного провала экономической науки, чтобы не выносить сор из экономически-научной избы. Иначе как аморальным такое поведение оценить нельзя. Огромной заслугой Ефимова является то, что он не побоялся этого сделать.

2. «Мэйнстрим» под судом

Уже во введении Ефимов проливает известный свет на причины кризиса экономической науки на основе сложившихся в ней порочных норм поведения ученых (или, точнее, тех, кого так считают по их служебному положению). Приведу обширную цитату: «Членам сообщества академических экономистов и после защиты корректной точки зрения норм этого института диссертации приходится работать в рамках этих норм, даже если они сами понимают, что это делает их исследования непродуктивными. Только не очень часто встречающееся среди экономистов любопытство к эконо-

мической реальности, профессиональная смелость и особые обстоятельства личной жизни вывели Роберта Шиллера¹ на использование дискурсивной методологии, чего в большинстве случаев не происходит» (*Ефимов, 2016. С. 13–14*). Это приговор нынешнему состоянию экономической науки с точки зрения существующих норм поведения в ней. Если заменить политкорректное «не часто встречающееся любопытство» на «редко встречающееся», то окажется, что главный стимул научного творчества в ней присутствует в виде **исключения**. Как и научная смелость. Что же остается? Защита диссертации в рамках принятых норм, «даже если они делают исследования непродуктивными». И это называется наукой! Греет душу только то, что эти грехи присущи, оказывается, не только российской экономической науке.

Исходным в критике мэйнстрима современной экономической науки Ефимовым является ошибочное соотношение между исследованием реальности и экономическими теориями. Он называет его картезианским, относя их возникновение к Декарту. Сущность картезианства Пьеро Мини определяет следующим образом: «Картезианство разрушило баланс, который должна поддерживать истинная наука: баланс между мышлением и наблюдением, дедукцией и индукцией, воображением и здравым смыслом, размышлением и действием, разумом и страстью, абстрактным мышлением и реализмом, миром внутри и вовне рассудка. Под воздействием картезианства вторые элементы в названных парах были пожертвованы первым. Декартовские размышления относительно познания открыли эру аксиоматического, аисторического, дедуктивного мышления» (*Ефимов, 2016. С. 57*). Более развернуто о том же говорится далее, со ссылкой на Фридмана: «Теория это способ, которым мы воспринимаем (perceive) факт, и мы не можем воспринимать (perceive) факты без теории». «Вполне понятно, что вера в эту догму обладает легитимизирующей способностью для экономистов-теоретиков, не имеющих ни вкуса, ни желания изучать реальность» (*Ефимов, 2016. С. 65*). Очень точное определение: ни вкуса, ни желания. Так проще. Здесь уже речь не идет о балансе между двумя методами, а либо вообще игнорировании действительности в пользу априорных теорий, либо о подгонке реальности под априорные теории.

Окончательное «святотатство» в отношении экономической науки Ефимов совершает при противопоставлении с точки зрения цели исследования ньютоновской и дискурсивной методологии. При первой привычной целью является выявление причинно-следственной связи между вещами и событиями; второй, сторонником которой является Ефимов, – правила и сюжетные линии историй (*Ефимов, 2016. С. 44*). Справедливость этого противопоставления обсужу ниже, после изложения сущности дискурсивного анализа в экономике.

Объяснение кризиса экономической науки с концептуальной точки зрения Ефимов начинает с выделения трех крупных ее направлений в зависимости от их ответа на социальный вопрос: «классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая историко-этическая школа» (*Ефимов, 2016. С. 7–8*). Первые два направления вызывают у автора отторжение. Особенно это относится к первому направлению, которое является мэйнстримом на Западе и теперь в России. Оно прямо обвиняется автором в ангажированности: «В ее становлении решающую роль играли деловые круги, заинтересованные не в научной дисциплине, которая исследовала бы экономическую реальность, а в дисциплине, которая отражает и излагает идеологию, выгодную этим кругам» (*Ефимов, 2016. С. 6*). В подтверждение приводится письмо министра народного образования Франции императору Наполеону III с поддержкой открытия кафедры политической экономии в качестве средства борьбы с вредными идеями (*Ефимов, 2016. С. 7*). Заодно, это направление обвиняется в невежестве в области естествознания за утверждение, что «критерием научности является измерение

¹ Лауреат Нобелевской премии по экономике, один из немногих, предсказавший кризис 2008 года (см., например, такие работы, как *Akerlof and Shiller, 2009; Shiller, 2012*).

и применение математики» (Ефимов, 2016. С. 6–7). Последнее утверждение содержалось мимоходом в одном из произведений Карла Маркса, и оно в советские времена с энтузиазмом использовалось экономистами-математиками.

Уже здесь Ефимов бросает классикам и неоклассикам, т.е. мейнстриму современной экономической науки, обвинение в ангажированности, служении интересам правящего класса. Худшего обвинения ученым трудно найти. Им просто отказывается в праве считаться учеными. Вот бы порадовались такому союзнику Маркс, Энгельс и Ленин, и их последователи, которые давно именно это утверждали. Большинство советских экономистов в душе сомневались в этих утверждениях, считая, что как раз западная экономическая наука является настоящей наукой, в отличие от советской политэкономии. А уж в постсоветский период так отзываться о мейнстриме считалось просто неприличным. Ефимов явно идет «не в ногу» с большинством. В отношении социального вопроса марксисты, конечно, противоположны классикам и неоклассикам. Но их сближает методология исследования: стремление выявить вечные (вневременные, детерминированные) закономерности развития общества и экономики, которых, по мнению Ефимова и его единомышленников, не существует.

Несомненно, классическая политэкономия была безразлична социальному вопросу. Страдания населения ее не волновали, она обосновывала закономерность сложившегося распределения доходов, несмотря на его бросающиеся в глаза несправедливости. Но не лучшим образом Ефимов оценивает и сторонников марксизма: «Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы в рамках капитализма, но в отличие от них клеймили их антагонистический характер» (Ефимов, 2016. С. 8). Оба эти направления Ефимов считает утопическими, оторванными от действительности. При этом он делает остроумное предположение о том, почему нынешний мейнстрим был легко воспринят российскими вузовскими преподавателями: «Относительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: навык в преподавании утопий у преподавателей политической экономии уже был, а какую утопию преподавать, – это уже второй вопрос» (Ефимов, 2016. С. 6). Не уверен, что это все объясняет: для многих преподавателей экономической теории вообще безразлично содержание преподаваемой дисциплины, раз положено – преподают именно это, другое не только опасно, но и не легитимно.

Очевидно, что идеологическая направленность экономических доктрин, по Ефимову, еще не определяет целиком их результативность. Либеральный мейнстрим и марксизм оказываются, по мнению Ефимова, одинаково бесплодны, поскольку оба, хотя и в разной степени, оторваны от действительности. Огромное значение имеет методология исследований. В этой связи автор выделяет институционализм и немецкую историческую школу. Здесь следует отметить, что книга Ефимова поражает колоссальной эрудицией автора, использованием огромного количества малоизвестных в России литературных источников. И не просто использованием, но и глубоким их пониманием. Не боюсь признаться в своем невежестве, но о большинстве из них я даже не слышал. Как и о многих фактах, приводимых в книге. Характеристики экономических учений у Ефимова весьма подробны и содержательны. Иногда, правда, как мне показалось, это изложение становится самоцелью.

Классический институционализм (в отличие от современного, извратившего его исходные принципы и методы) Ефимов прославляет за его направленность на изучение экономической реальности, практики и поведения экономических субъектов. В качестве образца настоящего ученого у Ефимова выступает такой основоположник институционализма, как американский экономист Джон Коммонс. В то же время в немецкой исторической школе, наряду с огромным интересом к изучению экономической действительности, он ценит ее внимание к социальному вопросу,

стремление к нахождению методов смягчения социальных противоречий, облегчению положения наиболее обездоленных частей населения. Действия представителей этой части экономической науки наряду с политической борьбой социал-демократов, особенно в Германии, где эта школа была наиболее влиятельной, привели еще в конце XIX в. к серьезным социальным реформам без ущерба для экономической эффективности. Более того, более справедливое распределение оказалось весьма полезным для экономического роста, расширяя массовый потребительский спрос и производственное накопление за счет ограничения чрезмерного спроса богатых. Это имеет особое значение для современной России, где социальное расслоение приняло чудовищные размеры, а доля фонда накопления и общественного потребления в ВВП крайне низка.

Если содержание старого институционализма и немецкой исторической школы хоть искаженно, но все-таки упоминается в учебниках по истории экономической мысли, то с понятием «дискурсивный анализ в экономике» большинство экономистов (я в том числе) столкнется впервые. Под дискурсивным анализом в экономике Ефимов понимает анализ нарративов, имеющих отношение к экономическим процессам и явлениям, и которые могут, в частности, представлять собой правдивые или вымышленные истории, а также некоторые исторические, правовые, религиозные, философские, научные и политические тексты (Ефимов, 2016. С. 43). Чтобы стало еще понятнее его различие с ньютоновским методом: «применяя ньютоновскую методологию к социальной сфере, обществоведы рассматривают людей как некоторые неодушевленные предметы, взаимодействующие друг с другом наподобие молекул в пространстве и во времени ... в дискурсивной методологии ... молекулами являются не сами люди, а производимые ими речевые акты» (Ефимов, 2016. С. 44). Чтобы еще раз подчеркнуть разницу с ньютоновским подходом, Ефимов отмечает, что социальные науки должны изучать не вещи и события, а дискурсы, состоящие из речевых актов (Ефимов, 2016. С. 47). Среди речевых актов отмечу газетные и журнальные сообщения. В свое время я объяснял неспособность советологов своевременно выявить кризис советской экономики, в частности, тем, что они не читали советский юмористический журнал «Крокодил», в котором реальное состояние советской экономики отражалось намного правдивее, чем в большинстве других источников. Автор для изучения реальности предпочитает беседы с руководителями и рядовыми работниками. Вполне уместен рассказ о методологии организации этих бесед и их результатах для выработки экономической политики.

Мне представляется, что в противопоставлении ньютоновского и дискурсивного анализа с точки зрения обоснованности выводов экономической науки Ефимов заходит слишком далеко. Я совершенно с ним согласен, что абстрагирование от речевых актов в любом виде очень сильно обедняет экономическую науку и ослабляет ее значение. Это результат, помимо укоренившихся в науке норм, привлечения в нее большого количества посредственностей и конформистов, лишенных способностей, любопытства и ответственности за результаты своих исследований. Гораздо легче использовать самые примитивные методы анализа. С этой точки зрения критика Ефимовым ньютоновского анализа чрезвычайно полезна. Мне, однако, представляется, что важно сочетать оба эти метода, а не противопоставлять их друг другу.

Кризис современной экономической науки, по крайней мере в России, состоит прежде всего в том, что она разучилась обоснованно оценивать даже вещи и события. Происходит чудовищная деградация экономистов в отношении элементарных методов экономического анализа. Возьму, к примеру, анализ статистических данных. Даже в любом советском учебнике экономического анализа и статистики говорилось о необходимости их проверки на достоверность. Если говорить о макроэкономических данных, то здесь основные трудности в советский период были связаны с цензурой. Но и их, как показывает мой опыт, можно было преодолеть. Мало было желающих. В постсоветский период эти трудности отпали. Но желающих не прибавилось. По-прежнему

альтернативные макроэкономические оценки рассчитывает лишь одна группа экономистов. Между тем, искажений в макроэкономической статистике не стало меньше, часто даже больше. Например, основные фонды недооцениваются примерно в 8 раз (Ханин, Фомин, 2015. С. 173), чего не было даже в самые худшие по качеству статистики советские времена. Ошибка в оценке стоимости основных фондов имеет огромные последствия для оценки их динамики, рентабельности экономики, потребности в средствах для модернизации экономики. В сущности, при такой макроэкономической статистике невозможна сколько-нибудь осмысленная экономическая политика. И что же? Российское научно-экономическое сообщество (в отличие от позднесоветского периода, когда интерес к ним был огромен) остается к этому безразличным. Так проще. Получение альтернативных оценок требует большого труда. Даже сам термин «восстановительная стоимость» основных фондов, *известный в прошлом любому выпускнику экономического вуза, теперь знают единицы*. Надо ли потому удивляться ошибочности экономических прогнозов в России и бессодержательности экономических программ, оторванных от действительности! На основе достоверной статистики основных фондов легко было предсказать наступление в 2008 г. экономического кризиса. Подъем 2000-х гг. обеспечивался в России улучшением использования незагруженных в 90-е гг. основных фондов. К 2008 г. этот процесс завершился. Справедливости ради следует отметить, что ничем не лучше оказались оценки российской экономики со стороны международных финансовых организаций, столь же безоглядно, непонятно на каком основании доверяющих российской статистике, как и подавляющее большинство российских экономистов (скорее всего, из-за декларируемого следования Росстатом международным статистическим стандартам). Такими «глупостями», как альтернативные оценки российской экономики, на Западе уже всерьез не занимаются.

Столь же слабым является знание подавляющим большинством современных экономистов экономической истории. Эта дисциплина уже давно является пасынком среди изучаемых в экономических вузах. А ведь в ней содержится огромный опыт экономической жизни. Возьмем то же предсказание экономических кризисов. Надувание финансовых пузырей как индикатор приближающегося экономического кризиса наблюдалось во всех финансовых кризисах, начиная с тюльпановой мании в XVII в. Именно такое надувание пузырей на рынке недвижимости и на фондовом рынке наблюдалось в США в 2006–2007 гг. и в России примерно в тот же период. Нужно было обладать чудовищной экономической безграмотностью, чтобы этого не заметить.

Я уже не говорю о знании гражданской истории, которое у экономистов чаще всего самое примитивное. Можно ли, однако, определить перспективы, скажем, российской экономики без учета колоссальных демографических потерь России XX в. и начале XXI в., сравнимых по масштабам в относительном выражении с потерями Парагвая в 70-х гг. XIX в. и Камбоджи в 70-х гг. XX в. Притом, потерь особенно значительных в среде наиболее творческой части населения России. Отмечу, что в ряде мест своей книги Ефимов обоснованно осуждает искусственное отделение экономической науки от других общественных наук. Но их объединение требует гораздо больших интеллектуальных усилий, на которые не готово идти большинство экономистов.

Блестящим образцом плодотворного сочетания ньютоновского и дискурсивного анализа является книга Пикетти «Капитализм XXI века». В нем содержится мастерский анализ огромного массива экономической и социальной статистики из разнообразных источников, художественной литературы, газетных и журнальных СМИ и выявление причинно-следственных связей между различными факторами, определяющими дифференциацию доходов населения. Показательно, что она была создана во Франции, где роль экономического мэйнстрима меньше, чем в других развитых странах.

Возвращаясь к вопросу о том, как оторванные от реальной действительности классицизм и неоклассицизм смогли стать главенствующим течением в экономической теории, Ефимов снова и уже более подробно обращает внимание на его непосредствен-

ное отношение к формированию и упрочению сложившегося социального порядка. Вместе с тем автор объясняет это характером университетов того времени. Об этом речь идет в главе 6 («Как капитализм, университет и математика сформировали магистральные направления экономической науки»).

Ефимов утверждает: «Легкость, с которой произошла интеграция экономистов в университеты, объясняется схоластическим характером этих учебных заведений и их нацеленностью на поддержание общественного порядка» (Ефимов, 2016. С. 137). На основе анализа истории возникновения экономического образования во Франции, Англии и США во второй половине XIX в. он делает вывод: «возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области экономической теории, а просто как совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, не имеющей с ней ничего общего области знания» (Ефимов, 2016. С. 138). Имеется в виду термодинамика, которая тем более влияла на экономическую теорию, что большинство преподавателей экономической теории в Англии пришло тогда из физики. Говоря о неоклассицизме Альфреда Маршалла, Ефимов отмечает, ссылаясь на Коутса (Coats): «интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет своей экономической дисциплины, устранив из нее такие беспокоящие (troublesome) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» (Ефимов, 2016. С. 139). Удобная для власти наука! Она обрела господствующее положение в английских университетах благодаря тому, что «половина экономических кафедр была занята учениками Маршалла, а его влияние на экономическое образование распространялось еще шире» (Ефимов, 2016. С. 141). К этой категории теоретиков Ефимов относит Вальраса и Джевонса.

Аналогичные процессы происходили и в США. Вот что пишет об отборе преподавателей экономической теории в американские университеты Мэри О. Фернер: «К середине 1870 годов экономисты сторонники *laisse-faire* укрепили свой контроль над дисциплиной в университетах. ... Право принадлежности к профессии экономиста связывалось с верностью системе *laisse-faire*, а не с полученным образованием или проявлением научных способностей» (Ефимов, 2016. С. 143). Справедливости ради отметим и существование даже в американских и английских университетах в этот период и других экономических теорий, пусть и не на господствующих позициях. В отличие от марксистско-ленинской политэкономии в СССР. На эти теории и их представителей часто ссылается сам Ефимов. К слову сказать, по характеру проблем марксистская теория была гораздо ближе к реальности, чем либеральный экономический мейнстрим.

Беспощадному осуждению подвергает Ефимов увлечение современных западных экономических теоретиков, за которыми в постсоветский период бездумно последовали многие российские экономисты, математическими методами и моделями. Это направление он справедливо рассматривает как наиболее далекое от действительности, чаще всего просто безразличное к ней². Такая оценка является тем более ценной, что сам автор этому направлению отдал многие годы своей жизни.

Ефимов приводит саморазоблачающие слова бывшего президента Эконометрического общества США Ариеля Рубинштейна: «По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. ... Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире, и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций. Слово «модель» звучит научнее,

² Совершенно независимо от Ефимова, аналогичное мнение о вредности увлечения российскими экономистами математическими методами ранее высказался и я, в статье «Почему в России мало хороших экономистов?» (Ханин, 2008с; 2010).

чем «басня» или «сказка». Хотя большой разницы между ними я не вижу» (Цит. по: *Ефимов, 2016. С. 68*).

Для подавляющей части российских экономистов будет откровением, что в победе неоклассического мэйнстрима в США (они стали образцом для экономистов других западных стран) большую роль сыграли преследования инакомыслящих в США в период маккартизма. Здесь Ефимов ссылается на исследование американского профессора Фредерика Ли. Он так писал об этом периоде: «Профессора советовали своим аспирантам готовить безопасные общепринятые диссертации с тем, чтобы избежать травли со стороны членов диссертационных советов, а сами они переориентировали свои собственные исследования и публикации в безопасные, более традиционные области» (*Ефимов, 2016. С. 240*). И далее: «Неортодоксальные экономисты, включая кейнсианцев и экономистов, связанных с разработкой и осуществлением Нового Курса, были подвержены атакам за то, что они преподавали кейнсианскую макроэкономику или институциональную экономику, критиковали неоклассическую теорию» (*Ефимов, 2016. С. 240–241*). Как все это знакомо советским экономистам! К счастью, американским экономистам не грозил расстрел или длительное тюремное заключение, как многим лучшим советским в сталинские времена.

Вместе с тем Ефимов тонко отмечает и еще одну причину победы неоклассики: «важное значение в победе неоклассики имела ее простота. Поскольку основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение... неоклассики в этом отношении имеют колоссальное преимущество перед конструктивистскими институционалистами. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения» (*Ефимов, 2016. С. 182*). Он отмечает и другую не менее важную внутринаучную причину этой победы, с которой я полностью согласен: «Преобразование нынешних экономистов-математиков, экономистов-статистиков-эконометриков, теоретико-игровых экспериментаторов и экономистов-философов в экономистов-статистиков-историков-антропологов потребовало бы от них таких колоссальных усилий, что они в своей массе не могут не рассматривать такую перспективу иначе, чем угрозу профессии» (*Ефимов, 2016. С. 252*).

Мне кажется, что Ефимов упускает одно важное объективное обстоятельство при объяснении победы либерального мэйнстрима в экономической теории. У его сторонников был серьезный аргумент: крупнейшие экономические достижения стран со свободной конкуренцией и минимальным вмешательством в экономическую жизнь в строгом соответствии с догмами классической экономики. Речь, конечно, прежде всего о Великобритании и США в XVIII–XX вв. При оценке этих достижений следует обратить внимание на особенности этих стран. Начну с их наиболее очевидных географических. Они отделены от остального мира водными пространствами, что затрудняет иностранное вторжение. Водное пространство выгодно и для экономики в связи с дешевой водной перевозкой по сравнению с сухопутным³. Облегчает экономическое развитие и мягкий климат при обилии осадков, богатые почвы, а в США также и обилие полезных ископаемых, что делало Штаты привлекательными для эмиграции наиболее активной части европейского населения. В таких условиях могли относительно гладко функционировать демократические институты и частное предпринимательство. При всем том экономическое развитие этих стран долгое время сопровождалось чудовищными социальными противоречиями, которые смягчались со второй половины XIX в. благодаря упорной борьбе трудящихся и их профессиональных и политических организаций. В других географических и исторических условиях та же либеральная экономическая политика могла приводить к совершенно другим результатам, о чем свидетельствует и опыт России в различные периоды, в том числе и в 90-е гг. XX в. Но

³ Морскими державами были и их предшественники по экономическому лидерству в Новое время: Венеция, Португалия, Нидерланды.

и в Англии и в США свободное частное предпринимательство и конкуренция, вопреки широко распространенному мнению, отнюдь не являлись единственными «творцами» успешного экономического развития этих стран. Приведу данное крупнейшим экономическим историком Э. Мэдисоном объяснение взлета Англии в XVI–XVII вв., положившего начало ее экономической гегемонии в мире. Сюда он относит централизацию власти и разрыв с папством, ликвидацию монастырей и конфискацию их земельной собственности, а затем и всей неудовлетворительно эксплуатировавшейся церковной собственности, и распродажу ее светским лицам, модернизацию администрации в конце XVII в. с повышением роли компетентности при назначении чиновников, улучшение качества статистики, ряд совершенствований в области налогообложения и таможенных тарифов, создание Банка Англии в 1694 г. и рынка государственных долгов (*Maddison, 2006. Pp. 93–94*). Сюда можно добавить меркантилистскую экономическую политику. Немалую роль в обеспечении ее экономической гегемонии играли успешные англо-голландские войны конца XVIII в. (*Ibid. P. 96*). Таким образом, умное государство играло активнейшую и положительную роль в обеспечении экономической гегемонии Англии.

3. Современное экономическое образование под судом

В неразрывной связи с критикой современной экономической науки Ефимов подвергает беспощадной критике состояние современного экономического образования, Причина очевидна: именно в вузе закладываются профессиональные и нравственные основы экономистов, и эти основы уже давно закладываются как ошибочные, порочные. Это имеет опасные последствия для всего общества. Прежде всего, конечно, для экономической науки, уводя ее в аутизм и делаая бесплодной и часто просто вредной. Но также и для прикладной деятельности в области экономических исследований в правительственных и независимых аналитических центрах и аналогичных центрах компаний и банков. Отсюда и множество несостоятельных прогнозов, оценок и ошибочных и запоздалых действий в экономической политике на государственном уровне и уровне компаний.

Соглашаясь с этими оценками, отмечу все же, что относительно экономической науки они представляются все же несколько преувеличенными. Если судить по переводной литературе (не слежу за всем массивом западной экономической литературы), продолжают выходить, например, даже в США и Великобритании, немало весьма содержательных и даже выдающихся работ по экономической истории.

Ложное направление мэйнстрима экономической науки давно вызывает протест наиболее крупных и честных представителей западного экономического сообщества. Напомню о выступлениях Василия Леонтьева в начале 1970-х гг. против засилья абстрактных, оторванных от действительности экономико-математических исследований. Привлеченные Ефимовым многочисленные высказывания американских ученых-экономистов (часть из них я привел) говорят о том, что данное направление критики существует и сейчас. И оно уже в начале этого века вылилось в массовое движение студентов и преподавателей западных вузов. Начали движение французские студенты-экономисты, возмущенные оторванным от жизни преподаванием экономики. Затем оно было поддержано студентами и преподавателями других западных стран (кстати, я не встречал ранее сообщений об этом движении в российской экономической печати). «В июне 2001 года студенты-экономисты, а также более зрелые экономисты-исследователи и преподаватели из 22 стран мира, собравшиеся в Канзасском университете (США), подготовили открытое письмо, адресованное экономическим факультетам университетов всего мира. В этом письме утверждалось, что все экономические факультеты должны провести реформирование экономического образования, осуществив разбор методологических предпосылок, лежащих в основе экономических дисциплин» (*Ефимов, 2016. С. 262*). По

мнению авторов письма, область экономического анализа должна быть расширена за счет более углубленной концепции экономического поведения, признания роли культуры, рассмотрения истории, новой теории знания, эмпирического заземления, расширения используемых методов, междисциплинарного диалога (Ефимов, 2016. С. 262–263). К сожалению, эта инициатива привела лишь к минимальным практическим результатам.

Современное экономическое образование в России страдает теми же недостатками, ибо оно взяло за образец современное западное экономическое образование, добавив многие дополнительные недостатки и ошибки.

Наибольшие особенности связаны со специфической историей экономического образования в СССР и историей высшей школы в РФ в постсоветский период (Ханин, 2008; 2010). При всех недостатках экономического образования в СССР отмечу и его достоинства: политическая экономия была ближе к реальности, чем экономикс. Некоторые советские экономисты, попав на Запад, достаточно успешно конкурировали со своими коллегами. Отмечу здесь Игоря Бирмана, который в важнейших оценках состояния советской экономики оказался намного более проницательным, чем американская экономическая школа, методы которой он отказывался копировать.

В постсоветский период, увлекшись копированием западных методов, российское экономическое образование потеряло много ценного из советской высшей школы. Практически утратился интерес и навыки макроэкономического анализа на основе реальных экономических оценок. Минимален интерес и к другим аспектам изучения реальной действительности в пользу схоластических теорий и методов.

Ефимов предлагает программу оздоровления российского экономического образования, вытекающую из его понимания недостатков современной экономической науки (Ефимов, 2016. С. 264–266). Наряду с курсом «философии науки в ее конструктивистском варианте» он предлагает начать обучение с курса, «который показывал бы, как российская экономика, погруженная в глобальную экономику, реально функционирует на основе действующих в России институтов» (Ефимов, 2016. С. 263). По его мнению, уже такое начало, с каким я согласен, изменит коренным образом подход к экономическому образованию. Среди других нововведений полностью поддерживаю предлагаемое изменение характера обучения в пользу семинаров, «где студенты должны либо выступать в дебатах по тому или иному вопросу, либо участвовать в разборе конкретных ситуаций» (Ефимов, 2016. С. 265). Предлагается резко усилить значимость изучения экономической истории и истории экономической мысли. Поддержки заслуживает и призыв сменить направленность просветительских усилий преподавателя «не только на свое научное сообщество, но прежде всего на нужды общества, в котором он живет» (Ефимов, 2016. С. 265).

Ефимов реалистически оценивает огромные препятствия для предлагаемой реформы со стороны внешней среды и преподавательского сообщества. Он предлагает «дорожную карту» по реформированию экономического образования из 6 пунктов. А именно:

1. Создание в некоторых университетах островков, где отдельные экономисты работают в соответствии с предложениями по реформе.
2. Обсуждение в государственных органах и организациях гражданского общества предложений по реформе экономического образования.
3. Организация коллективов по подготовке учебников в соответствии с новой концепцией экономического образования.
4. Эксперименты в пилотных университетах, целиком перешедших на работу по новому образцу.
5. Подготовка новых стандартов экономического образования.
6. Распространение практики работы по-новому по всей стране.

Мне видится этот план слишком осторожным. Время не терпит. Даже в отношении США, где экономическое положение намного лучше, чем в России, но где тоже обостряются экономические проблемы, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц пишет: «Если Соединенные Штаты собираются добиться успеха в реформировании своей экономики, то им, возможно, придется начать с реформирования экономической науки» (Ефимов, 2016. С. 267). А следовательно, и высшего экономического образования. Тем более это справедливо для России, экономика которой дошла до критической черты, частично по вине многих малоквалифицированных и бесчестных экономистов. Мне кажется, что как раз в России для таких изменений высшего образования лучшие предпосылки, чем в США. Оно больше контролируется федеральными ведомствами, и в данном случае это может оказаться благотворным. Через федеральные стандарты высшего образования оно может быть реорганизовано более быстро. Для чего требуется «немного»: реорганизовать сами ведомства. Но это относится и ко всем общественным проблемам России. К тому же, еще не совсем забытое старшим поколением экономистов советское политэкономическое наследие может оказаться полезным.

4. Заключение

В.М. Ефимов написал замечательную и очень своевременную книгу. Она богата по содержанию и идеям, поистине энциклопедична. И, что не часто, проникнуто болью за состояние своей науки и подлинной гражданственностью. И вышла в нужное время. Россия именно сейчас, в очередной раз переживает критический период в своей истории. Переживаемый ею сейчас экономический кризис, как мне представляется, в силу его глубины и продолжительности означает вступление России в период глубокого перелома и, соответственно, грядущих неотложных преобразований в области экономической науки и экономического высшего образования в советский и постсоветский период. Широкое обсуждение содержания книги В.М. Ефимова и ее выводов может послужить вкладом к выходу из этого критического периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс, НИЦ-ИНФРА-М.
- Ханин Г.И. (2008а). Российское высшее образование и общество (начало) // *ЭКО*, № 8, с. 75–92.
- Ханин Г.И. (2008b). Российское высшее образование и общество (окончание) // *ЭКО*, № 9, с. 121–132.
- Ханин Г.И. (2008с). Почему в России мало хороших экономистов // *Свободная мысль*, № 10, с. 103–116.
- Ханин Г.И. (2010). Почему в современной России очень мало хороших ученых-экономистов / В кн.: Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Монография. В 2-х т. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах, с. 373–402. Новосибирск: Изд-во НГТУ.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2015). Деньги для модернизации / В кн.: Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. тр. в 2 т., т. 1. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 384 с.
- Akerlof G. and Shiller R. (2009). *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.
- Maddison A. (2006). *The World Economy, vol. 1. A Millennial Perspective*. OECD.
- Shiller R.J. (2012). *Finance and the Good Society*. Princeton University Press, 304 p.

REFERENCES

- Khanin G.I.* (2008a). Российское высшее образование и общество (part I). *ECO*, no. 8, pp. 75–92. (In Russian.)
- Khanin G.I.* (2008b). The Russian higher education and society (part II). *ECO*, no. 9, pp. 121–132. (In Russian.)
- Khanin G.I.* (2008c). Why there is a lack of good economists in Russia. *Svobodnaya Mysl'*, no. 10, pp. 103–116. (In Russian.)
- Khanin G.I.* (2010). Why there are very few good economic scientists in Russia / In: *Khanin G.I.* (2010b). Economic history of Russia in modern times, vol. 2. Economy of the USSR and the RSFSR in 1998–1991, pp. 373–402. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 408 p. (In Russian.)
- Khanin G.I.* and *Fomin D.A.* (2015). Money for the modernization / In: *Khanin G.I.* Russian Economy and Society: retrospective and perspectives, in 2 vols., vol. 1. Novosibirsk: Publishing House of RANEPa, Siberian Institute of Management, 384 p. (In Russian.)
- Yefimov V.M.* (2016). Economic science in question: another methodology, history and research practices. Moscow: KURS: INFRA-M Publ., 352 p. (<http://znanium.com/bookread2.php?book=524412>). (In Russian.)
- Akerlof G.* and *Shiller R.* (2009). Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. Princeton: Princeton University Press.
- Maddison A.* (2006). The World Economy, vol. 1. A Millennial Perspective. OECD.
- Shiller R.J.* (2012). Finance and the Good Society. Princeton University Press, 304 p.